

Литература

- Свитич Л.Г. Издания для женщин // Типология периодической печати. М., 2007.
Типология периодической печати / Под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М., 2009.
Ямпольская Р.М. Тенденции развития типологической структуры женской прессы // Вестник Московского университета. Серия № 10. Журналистика. 1997. № 4.

References

- Svitich L.G. *Izdaniya dlya zhenshhin* [Women's Editions]. *Tipologiya periodicheskoy pechati* [Typology of Periodicals]. Moskva, 2007.
Tipologiya periodicheskoy pechati [Typology of Periodicals]. Pod red. M.V. SHkondina, L.L. Resnyanskoj. Moskva, 2009.
Yampol'skaya R.M. *Tendencii razvitiya tipologicheskoy struktury` zhenskoj pressy`* [Trends in the Development of the Typological Structure of the Women's Press]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series № 10. Journalism. 1997. № 4.

«МЫ ВСЕ СОБОРНО ВИНОВАТЫ»: ЭКСПЛУАТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО ДИСКУРСА В ЭПИСТОЛЯРИИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ А.Н. ТОЛСТОГО 1917–1923 ГГ.

В.В. Чекушин

Ключевые слова: А.Н. Толстой, христианский дискурс, революция, эмиграция, Ф.М. Достоевский.

Keywords: A.N. Tolstoy, Christian discourse, revolution, emigration, F.M. Dostoevsky.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-14

Обращение к библейской топики является «общ[ей] тенденци[ей] в поэзии и публицистике революционных лет» [Лейдерман, 2012, с. 116]: множество авторов апеллировали к ней при осмыслении событий революций и Гражданской войны. Появление в творчестве А.Н. Толстого элементов христианской образности тоже связано с произошедшими в России глобальными социокультурными переменами.

Наиболее полно Толстой использовал христианские мотивы в парижском издании романа «Сестры», первой части «Хождений по

мукам» [Воронцова, 2014, с. 151]. Причиной обращения к христианской тематике, в числе прочего, послужило знакомство с идеями религиозных философов, в частности С. Булгакова и Н. Бердяева (с кружком последнего Толстой начал сближаться еще в 1915 году) [Толстая, 2006, с. 38]. Роману предшествовала напряженная публицистическая работа. В статье «На костре» (ноябрь 1917 года), Толстой отказывался считать произошедшее в России не революцией (которая должна наступить позднее), а «*военн[ым] и голодн[ым] бунт[ом]*» (Толстой, 2012b, с. 259)¹. Он приводил пример Франции, где изменение общественных формаций началось после революции 1789 года. Для иллюстрации своих взглядов автор использовал библейский сюжет о превращении Савла в Павла: «*Савл, ослепленный по пути в Дамаск, поднялся с земли, приняв имя Павла. Сластолюбивая, изнеженная, грешная Франция не раз выходила из кровавого тумана с искаженным, но суровым и помраченным ликом*» (Толстой, 2012b, с. 257). Жестокость революционного времени Толстой объясняет тем, что ранее в стране были отвергнуты базовые христианские ценности: «*Мы называли <...> добро – пережитком, честность – пресной, благородство – романтизмом. Мы много смеялись над тем, что достойно стыда и отчаяния. Мы обладали всеми пороками, и наш гений слишком часто сходит в подполье, в банную сырость для задушевной беседы с чертом*» (Толстой, 2012b, с. 259). Для усиления аргументации автор контаминирует образы из трех произведений Достоевского: «Записки из подполья», знаменитое предположение Свидригайлова о вечности как банке с пауками и разговор Ивана Карамазова с чертом. Вкупе с упоминанием Раскольникова образы Достоевского используются Толстым для изображения «*адск[ой] бездн[ы]*» (Толстой, 2012b, с. 258) революции.

Другой причиной произошедших перемен Толстой называет «*лень и совсем невысокое благодущие*», из-за которого «*[М]ы как раб лукавый, закопали талант свой в землю*» (Толстой, 2012b, с. 259). Упоминание евангельской притчи позволяло указать на одну из проблем, которая в итоге и привела к революции, – проблему неиспользованных таланта и потенциала. Интересно здесь и использование местоимения множественного числа «мы», позволяющее не указывать прямо виновника случившегося².

¹Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

²В знаменитом письме Чайковскому автор «Петра», снова рассуждая об ответственности за происходящее в стране будет использовать неопределенное «мы» (см. об этом ниже).

Несколькими месяцами ранее писатель в частной переписке формулировал свою позицию более определенно, называя тех, кто имеется в виду под «мы». Так, в письме к своей тетке М.Л. Тургеневой он размышляет: *почему над Россией стряслась такая беда? <...> «В то время, когда европейские страны быстро развивались, <...> мы, интеллигенты, не делали ровно ничего для мощи и счастья России, мы спокойно и лениво жили под властью царской, а народ погибал от водки, невежества и грязи <...>. Помнишь притчу о рабе лукавом – вот она сбылась»* [цит. по: Воронцова, 2014, с. 31]. В частной переписке Толстой не боится называть объект критики, обвиняя интеллигенцию в инертности. Автор предлагает радикальный выход из сложившейся ситуации: *«спокойно ждать смерти, а потом, когда разрешится так или иначе кризис войны, начинать все сначала, т.е. начать заново из остатка России строить новую, честную и благоустроенную страну»* [Воронцова, 2014, с. 31]. Распад страны, по логике Толстого, неизбежен, поэтому необходимо полностью разрушать существующий уклад и переходить к строительству новой государственной системы.

Наиболее полно свое видение революции и будущего страны Толстой изложил в одесских статьях осени 1918 года. В разгар Гражданской войны он выступает за сохранение государственности, основа которой – желание самих народов, населяющих страну, остаться единым целым: *«Иерихон пал от трубного гласа, потому что иерихонские стены были плохо построены. Россия может развалиться только тогда, если ее основание лежит на неверной и зыбкой почве, если народы, входящие в государство, соединены случайно рукой завоевателя, или общим несчастьем, или общей наживой»* (Толстой, 2012d, с. 275). Упоминание библейского Иерихона в следующем предложении усиливается имплицитной отсылкой к притче о доме, построенном на песке (Мф. 7: 24–27).

Исходя из логики истории, как ее видит Толстой, славянские народы всегда будут стремиться к восстановлению государственности: *«Россия слагалась медленно, органически, соединяла племена под единый свод, освоила огромные пространства для новой четвертой культуры. Ее основание – инстинкт славянских племен, объединенных в одну расу. Свод треснул, рухнул. <...> Но народы живы и нет той причины, которая ослабила бы их центростремительную силу»* (Толстой, 2012d, с. 275).

Примечательно, что Толстой использует формулировку «инстинкт народов», благодаря которому происходят исторические события. В другой программной статье «Левиафан» писатель снова

подчеркивает отсутствие логики в *«психологии огромных народных масс»* (Толстой, 2012а, с. 276), под влиянием которых происходят масштабные исторические события, причем *«во время революций этот закон становится настолько очевидным и явно действующим, что целые народы охватываются воображением, как отдельные организмы, как полуразумно-трагически существа – Левиафаны с предопределенной судьбой»* (Толстой, 2012а, с. 276). С одной стороны, народы охвачены безумием, а с другой – выступают едва ли не в роли героев античной трагедии, судьбы которых предreshены заранее. Использование высокой лексики помогает трактовать события в России в провиденциальном ключе.

При описании государства Толстой использует введенную Т. Гоббсом метафору Левиафана: Левиафан России, *«триста лет сидевший на цепях, был страшен»* (Толстой, 2012а, с. 276). Именно из-за долгого ожидания перемены сопровождалась массовой гибелью людей. Далее Толстой пытается понять причины Октябрьской революции: *«[Р]азве сонный, незрячий народ мог быть великим <...>? Да, ему нужно было пройти кровавый, отчаянный, благословенный путь испытаний. Погибнуть или прозреть. <...> Боль и отчаяние должны организовать его хаотическое тело, укрепить в нем добро, волю и порядок»* (Толстой, 2012а, с. 276). Испытанием для страны должен стать большевизм, укорененный *«со времен подавленного бунта Стеньки Разина»*. При описании страны Толстой использует органицистскую метафору – Россия рассматривается как живой, но распадающийся на части организм, который атаковала большевистская *«болезнь, таившаяся в ее недрах»* (Толстой, 2012а, с. 276). Именно она не давала¹ народу *«осознать государственности, заставляла интеллигенцию лгать и бездействовать, вызывала непонятную тоску, больные мечты о какой-то блаженной анархии, о воле в безволии, о государстве без государства. И вот болезнь прорвалась и потекла по всем суставам кровавым гноем, Россия распалась. Но это распадение было инстинктом больного. Отпавшие части начали борьбу с болезнью и победили. Все нездоровое, шаткое, неоформленное сгорело и горит в этой борьбе»* (Толстой, 2012а, с. 277). Таким образом, гражданская война трактуется как избавление от лишних и вредоносных элементов государственного тела. По мысли Толстого, как только этот процесс завершится, государство снова должно

---

¹ Эта позиция была схожа с позицией философа И.А. Ильина, который описывал атмосферу предреволюционной России как застойную, называя ее атмосферой духовного большевизма [Воронцова, 2014, с. 57].

соединить *«в единый организм – в тело прозревшего Левиафана – все временно отторгнутые части»* (Толстой, 2012а, с. 277).

Критика большевиков не ограничивалась упомянутой выше статьей. Толстой выступал против «красных» почти сразу после их прихода к власти. В декабре 1917 года он выступил в однодневной газете «Слову – свобода!» (ее выпуск был реакцией на декрет, фактически запретивший оппозиционную прессу). В эпиграфе к своей небольшой заметке Толстой цитировал начало Евангелия от Иоанна, а затем проецировал библейский текст на текущую ситуацию: *«Рассуждать о свободе слова – то же, что рассуждать о свободе Бога. И как не в силах человеческих наложить цепи на Бога, – так нельзя сковать и Слово. Слово – свет во тьме, и тьма не может объять его. Те, кто посягают на слово, безумны и прокляты, как посягающие тьмою своею на свет, как слуги тьмы, дьяволы»* [цит. по: Толстая, 2006, с. 99]. Большевики прямо называются дьяволами, которые отрицают слово, а значит и Бога. Толстой заканчивает статью угрозой: ограничение свободы слова может привести к краху большевиков: *«Странно и страшно, что об этом приходится говорить <...> большевикам. И тем хуже для них»* [Толстая, 2006, с. 99]. Тема богоборчества новой власти, как правило, осмыслиется Толстым сквозь призму современной ему религиозной философии, в свою очередь, апеллировавшей к идеям Достоевского.

Так, в статье «Нет!» (август 1919 года) Толстой сформулировал главную претензию к большевистской идеологии: *«Нет, ужас большевизма и невозможность примириться с ним заключается даже и не в этой крови. Великая Французская революция пролила ее не меньше и вырастила гениальный XIX век. Ужас <...> в том, что большевики смотрят на Россию <...> только как на бульон для приготовления коммунистической бациллы. Человек, личность, люди, счастье вот именно этих самых Иванов и Петров их не интересует и не тревожит»* (Толстой, 2012с, с. 286). Затем он упоминал знаменитый отказ Ивана Карамазова пролить слезинку ребенка ради всеобщего счастья. В отличие от персонажа Достоевского, большевики готовы на жертвы. Толстой выступает резко против такой позиции и заключает: *«Даже если бы мы, скажем, были уверены, что они дадут счастье какому-нибудь десятому или пятнадцатому поколению, мы твердо должны сказать:*

– Прочь окровавленные руки от матери моей» (Толстой, 2012, с. 288). Здесь Толстой ориентируется на идеи Бердяева, также считавшего большевизм жестоким экспериментом над Россией [Воронцова, 2014, с. 157].

Парадоксально, что Толстой, объясняя причины своего размежевания с эмиграцией и поворота к большевистской идеологии, также апеллировал к христианским образам и категориям. Яркий пример – письмо к руководителю комитета помощи писателям Николаю Чайковскому. Опубликовано в газете «Накануне» 14 апреля 1922 года, оно вызвало сильный резонанс в эмигрантских кругах.

В начале самого документа Толстой пересказывал основные тезисы сменевеховства, а затем рисовал картину своих злключениях, причиной которых стала советская власть: *«Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавижу большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед»* (Толстой, 1922, с. 2). Для убеждения аудитории в искренности тогдашней своей позиции Толстой рисует чудовищные картины смерти своих родственников в пореволюционные годы, достоверность которых ставится биографами под сомнение: *«В эти годы погибли два моих родных брата, – один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядей, восемь человек моих родных умерло от голода и болезней. Я сам с семьей страдал ужасно. Мне было за что ненавидеть»* (Толстой, 1922, с. 2).

Вместе с тем, Толстой отказывается возложить вину за происходящее на «красных». Меняя фокус, он вводит в свое послание христианскую категорию соборности, которая позволяет прекратить поиск виноватого, разделив вину за произошедшее на «всех» и тем самым, по сути дела, ни на кого: *«все, мы все, скопом, соборно виноваты во всем совершившемся. И совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, – но вколотить в истрепанный бурями русский корабль»* (Толстой, 1922, с. 2). В письме подключается символика Пасхи [Толстая, 2013, с. 321], кроме того, Толстой и его жена, по свидетельству мемуаристов, объясняли свой отъезд так: *«Едем сораспинаться с Россией»* (Бахрах, 2008, с. 393).

Использование христианской образности как в бытовой речи, так и публицистике помогало придать неоднозначному поступку писателя мессианский окрас. Это логично, так как этот шаг повлиял не только на судьбу Толстого, «вслед за ним целый ряд берлинских литераторов повернул в сторону сменевеховства» [Русский Берлин, 1983, с. 31]. Таким образом, Толстой своим авторитетом, резко возросшим после публикации «Сестер», по сути легитимировал смену идеологической позиции и «левый поворот» части русской эмиграции.

Для усиления аргументации он имплицитно сравнивал свои злключения с адскими муками с помощью словосочетания «хождения

по мукам», отсылающего одновременно к известному апокрифу «Хождение Богородицы по мукам» и названию собственного романа. Кроме того, во фразе о «сораспятии с Россией» Толстой использует аналогию своей судьбы с крестными муками Христа. Эта параллель усилится в дальнейшем, когда писатель обратится к мотивам смерти и воскрешения.

Данный мотивный комплекс был широко использован в следующем открытом письме, адресованном К.И. Чуковскому. Здесь жизнь в эмиграции изображается Толстым как невыносимая и мучительная: *«в эмиграции была собачья тоска: – как ни задирались, все же жили из милости, в людях, и думалось, – быть может, вернемся домой, и там примут неласково: – без вас обходились, без вас и обойдемся. Эта тоска и это бездомное чувство вам, очевидно, незнакомы. Признаваться в этом тяжело, но нужно. [Н]а чужбине мы ели горький хлеб»* (Толстой, 1989, т. 1, с. 313).

Затем дается описание жизни на Западе, выполненное в духе «Заката Европы» Шпенглера – смерть романской цивилизации описывается через максимально прямые, почти карикатурные образы: *«Европа не живет, а зализывает раны, рычит и скалится на старые обиды, над шелудивым телом вьются, липнут трупные мухи, – неистовая сволочь, паразиты. В городах скука, одурь и безразличие, пьянство»* (Толстой, 1989, т. 1, с. 315).

Толстой снова эксплуатирует тему смерти, на контрасте давая описание России, которая *«уже преодолела смерть. Действительно – смертию смерть поправ. Если есть в истории Разум, а я верю, что он есть, то все происшедшее в России совершено для спасения мира от безумия сознания смерти»* (Толстой, 1989, т. 1, с. 315). Как видно, подчеркивая мотивы временной смерти и воскрешения России, Толстой в конце письма приводит прямую цитату из тропаря Пасхи. Более того, тезису 1918 года о бессознательности народных масс писатель противопоставляет уже «разум истории», в сущности, диаметрально меняя часть своих историософских взглядов. Эти примеры свидетельствуют о том, что Толстой использовал христианскую топику ситуативно, иллюстрируя свою позицию при помощи понятных большинству аудитории образов, и одновременно с этим добиваясь эмоционального воздействия на реципиентов. В целом же она не стала базисом для последовательной историософской концепции.

Итак, состояние атеистического СССР Толстой описывает, эксплуатируя христианские словарь и образную систему. Одновременно с этим писатель старается подготовить общественное мнение на родине, где его появление «могло быть воспринято

неоднозначно по самым разным причинам, например, по такой: хорошо пережить лихолетье в Европе. Отсидеться в Париже и Берлине» [Варламов, 2008, с. 264]. Неслучайно письмо Чуковскому содержало пассаж, который может быть рассмотрен в ряду «подготовительных мер», предусмотрительно предпринятых им перед возвращением: *«Первое и главное это то, что у вас, живущих в России, нет зла на нас, бежавших. Очень важно и радостно, что мы снова становимся одной семьей»* (Толстой, 1989, т. 1, с. 313).

В письмах берлинского периода Толстой следует своей излюбленной стратегии: он использует риторику, ориентированную на конфликтующие между собой полюса аудитории. С оглядкой на читателей в СССР он эксплуатирует предельно тенденциозную метафорику «смерти Европы». Для эмигрантских кругов же – более имплицитную религиозную пасхальную символику. Это позволяет ему начать выстраивать новую идентичность писателя, отказавшегося жить в эмиграции. «Прозревший» и «воскресший» Толстой приезжает в Россию, которая также «оживает» после «смерти», ассоциированной с революцией и гражданской войной.

Идеологическое оправдание перемены собственных взглядов, интерпретированных значительной частью писательского сообщества диаспоры как предательство, строится на «рифмовке» состояния Толстого и новой советской страны. А страдания в эмиграции изображаются как эквивалентные мучениям людей, переживших в России революцию и Гражданскую войну, что дает писателю моральное право считаться в СССР «своим». Толстой описывает тяготы, пережитые вне родины, предельно эксплицитно – с тем, чтобы заранее обеспечить оправдание собственного возвращения в глазах советской аудитории.

Итак, христианские мотивы появляются в толстовском эпистолярии и публицистике в критические моменты: как исторические, так и личные. В 1917–1918 годах Толстой использует указанный мотивный комплекс для осмысления социокультурных изменений в России, а в 1922–1923 годах с его помощью объясняет причины своего поворота к большевистской идеологии.

Литература

- Варламов А.Н. Алексей Толстой. Биография. М., 2009.
 Воронцова Г.Н. Роман А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1919–1921): творческая история и проблемы текстологии. М., 2014.
 Русская литература XX века: 1917–1920-е годы: в 2 кн. Кн. 1 / Под ред. Н.Л. Лейдермана. М., 2012.
 Русский Берлин. 1921–1923. Париж, 1983.

Толстая Е.Д. Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1922). М., 2006.

Толстая Е.Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013.

Список источников

- Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. М., 2006.
Толстой А.Н. Левиафан // Хождение по мукам. М., 2012а.
Толстой А.Н. На костре // Хождение по мукам. М., 2012б.
Толстой А.Н. Нет // Хождение по мукам. М., 2012с.
Толстой А.Н. То, что нам надо знать // Хождение по мукам. М., 2012д.
Толстой А.Н. Открытое письмо гр. А. Толстого Н.В. Чайковскому // Накануне. Берлин, 1922. №17.
Толстой А.Н. Переписка А.Н. Толстого: в 2-х тт. М., 1989. Т. 1.

References

- Varlamov A.N. *Aleksej Tolstoj. Biografija* [Alexei Tolstoy. Biography]. Moskva, 2009.
Voroncova G.N. *Roman A.N. Tolstogo «Hozhdenie po mukam» (1919–1921): tvorcheskaja istorija i problemy tekstologii* [A Novel by A.N. Tolstoy «The Ordeal» (1919–1921): History of a Creation and the Problems of Textual Criticism]. Moskva, 2014.
Russkaja literatura XX veka: 1917–1920-e gody: v 2 kn [Russian literature of the XX century: 1917–1920. In 2 vols.]. Red. by N.L. Lejderman. Moskva, 2012. Vol. 1.
Russkij Berlin [Russian Berlin]. 1921–1923. Paris, 1983.
Tolstaja E.D. *Degot' ili med: Aleksej N. Tolstoj kak neizvestnyj pisatel' (1917–1922)* [Tar or Honey: Alexey N. Tolstoy as an Unknown Writer (1917–1922)]. Moskva, 2006.
Tolstaja E.D. *Kljuchi schast'ja: Aleksej Tolstoj i literaturnyj Peterburg* [The Keys to Happiness: Alexey Tolstoy and Literary Petersburg]. Moskva, 2013.

List of sources

- Bahrah A.V. *Bunin v halate. Po pamjati, po zapisjam* [Bunin in Bathrobe. From Memory, According to Records]. Moskva, 2006.
Tolstoj A.N. *Leviafan* [Leviathan]. *Hozhdenie po mukam* [The Road to Calvary]. Moskva, 2012a.
Tolstoj A.N. *Na kostre* [On The Bonfire]. *Hozhdenie po mukam* [The Road to Calvary]. Moskva, 2012b.
Tolstoj A.N. *Net* [No]. *Hozhdenie po mukam* [The Road to Calvary]. Moskva, 2012c.
Tolstoj A.N. *To, chto nam nado znat'* [What We Need To Know]. *Hozhdenie po mukam* [The Road to Calvary]. Moskva, 2012d.
Tolstoj A.N. *Otkrytoe pis'mo gr. A. Tolstogo N.V. Chajkovskomu* [Open Letter from Count Tolstoy to Tchaikovsky]. *Nakanune* [On the Eve]. Berlin, 1922. No. 17.
Tolstoj A.N. *Perepiska A.N. Tolstogo* [Correspondence of A.N. Tolstoy]. In 2 vols. Moskva, 1989. Vol. 1.